

Nominative Variation of Dictionary Dysphemisms Along the “US – THEM” Axis

Tatiana A. Fomina, Tatiana V. Alieva, Anna B. Kornitskaya

MGIMO UNIVERSITY,
76, prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. The study seeks to explore the status of x-phemism as a dynamic phenomenon. Using an experiential approach, it emphasizes an ethnomethodological perspective, analyzing the variation of words and expressions through the lens of the “US – THEM” concept. Ethnomethodology investigates the established norms governing interactions among individuals, which help to organize complex social realities. This social order is shaped by the creation of symbolic boundaries between different groups. While such an order may appear static, it is actually context-dependent, which makes it challenging to predict who will be perceived as “other” and who as “us” in the process of interaction. Thus, the differentiation based on the criterion “US – THEM” serves as a means of organizing the social world, and symbolic boundaries may depend, in particular, on national identity, cultural context, and situational factors. Analyzing linguistic material from contemporary English-language socio-political, marketing, autobiographical, and media discourses reveals that dictionary dysphemisms — such as ethnic pejoratives with negative connotations — can acquire euphemistic meanings within a group when there are no ethnic boundaries between communicators. Specifically, euphemization of a dictionary dysphemism occurs when the statement is made by someone from their own ethnicity. This phenomenon underscores the importance of context and speaker identity in shaping meaning. Thus, the study demonstrates that negative and positive reactions to words cannot be predicted before the interaction, highlighting the fluidity and complexity inherent in language use and social dynamics. Understanding these processes enhances our awareness of how language operates in diverse social settings and influences perceptions across communities. Furthermore, the analysis underscores the relevance of x-feminism in contemporary society, particularly in the light of the increasing importance of political correctness. It is crucial to recognize that x-phemism is not a static concept; it evolves alongside shifting standards of political correctness that reflect changes in public consciousness. These transformations significantly affect how language is perceived, especially regarding terms related to marginalized groups. Ultimately, this study contributes to a deeper understanding of the interplay between language, identity, and social dynamics in today’s world.

Keywords: dysphemism, euphemism, x-phemism, ethnic pejorative, experiential context, ethnic boundaries, interaction

For citation: Fomina T.A., Alieva T.V., Kornitskaya A.B. (2025). Nominative Variation of Dictionary Dysphemisms Along the “US – THEM” Axis. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(2), pp. 70–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-2-43-70-81>

Номинативное варьирование узуальных дисфемизмов на оси «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Т.А. Фомина, Т.В. Алиева, А.Б. Корницкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Исследование, проводимое в рамках данной работы, ставит своей целью определить статус икс-фемии как динамического феномена. В рамках экспериенциального подхода был выделен этнометодологический подход, который позволяет рассмотреть номинативное варьирование слова или выражения через призму концепции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Этнометодология как научная дисциплина занимается изучением закреплённых норм и правил взаимоотношений между людьми, которые способствуют упорядочиванию сложной и многоуровневой социальной реальности. Эта иерархия возникает в процессе взаимодействия и является результатом создания так называемых символических границ между различными группами людей, которые могут быть основаны на различных признаках, таких как этническое происхождение / этническая принадлежность, социальный статус или культурные особенности. С одной стороны, такой порядок может показаться предсказуемым, с другой стороны, он обусловлен контекстом конкретной ситуации, а поэтому в процессе общения бывает крайне трудно однозначно определить, кто окажется «чужим», а кто «своим» для коммуниканта. Таким образом, разграничение по признаку «СВОЙ – ЧУЖОЙ» становится важным способом организации социального мира, при этом необходимо отметить, что зачастую в зависимости от контекста символические границы могут быть размытыми. Анализ языкового материала в современных англоязычных общественно-политических, маркетинговых, автобиографических и медийных дискурсах показывает, что узуальные дисфемизмы, в частности этнические пейоративы с отрицательной коннотацией, могут приобретать эвфемистические значения внутри группы при условии отсутствия чётких этнических границ между участниками коммуникации. Так, эвфемизация словарного дисфемизма происходит именно при условии, что высказывание принадлежит представителю «своего» этноса. Подобным образом словарные дисфемизмы, обозначающие проблемы со здоровьем, могут утрачивать негативные коннотации и приобретать не столько нейтральное, сколько положительное значение внутри определённой группы людей, например, среди людей с инвалидностью. На основе этого анализа делается вывод о контекстуальной обусловленности икс-фемизма, что является особенно актуальным в современных реалиях, когда вопрос о статусе политкорректности выходит на первый план. Необходимо также отметить, что икс-фемизм является динамическим феноменом ещё и потому, что нормы политкорректности постоянно меняются в связи с изменениями в общественном сознании, которое, в свою очередь, существенно влияет на восприятие слов и выражений, номинирующих уязвимые группы людей.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, икс-фемизм, этнический пейоратив, экспериенциальный контекст, этнические границы, коммуникативное взаимодействие

Для цитирования: Фомина Т.А., Алиева Т.В., Корницкая А.Б. (2025). Номинативное варьирование узуальных дисфемизмов на оси «СВОЙ – ЧУЖОЙ». *Филологические науки в МГИМО*. 11(2), С. 70–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-2-43-70-81>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена неоднозначным характером политкорректности. С одной стороны, прослеживается тенденция к отказу от стереотипов и дискриминирующих практик прошлого, что не может не находить своё отражение в языке [18]. Так, согласно С. Г. Тер-Минасовой, политкорректность заключается в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые... ущемляют его [индивидуума] человеческие права... языковой бестактностью и/или прямолинейностью...» [7, с. 216].

С другой стороны, чрезмерное следование политической корректности подвергается критике, так как зачастую противоречит здравому смыслу [1]. Это связано с тем, что представители меньшинств и уязвимых групп населения уже со своей стороны оказывают давление на лиц, которые, по их мнению, ущемили их права тем или иным высказыванием. Так, например, Бен Карсон, будучи министром жилищного строительства США, попал в затруднительную ситуацию после того, как на встрече с сотрудниками министерства выразил обеспокоенность по поводу того, что “big, hairy men” [15] / «большие волосатые мужчины» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.) пытались проникнуть в женские приюты для бездомных. Один из участников встречи покинул зал в знак протеста, а позже это высказывание вызвало резонанс и в американском обществе, так как было расценено как дискриминация трансгендерных людей. Бен Карсон, со своей стороны, заявил, что люди, пытавшиеся проникнуть в женский приют, были в действительности мужчинами, а не женщинами-трансгендерами, и что сама по себе концепция политкорректности в конечном итоге может «уничтожить американскую нацию» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.), а поэтому призвал американцев быть более разумными в этом вопросе: “...[I]t’s going to destroy our nation and we need to be more mature than that.”

Таким образом, спорный и многомерный характер политкорректности свидетельствует о важности рассмотрения данного понятия и его способов выражения – эвфемизмов, дисфемизмов и ортофемизмов [3]. Важно также отметить, что язык как таковой не существует в вакууме; он является частью процесса коммуникации (это взаимодействие мы называем **linguaging** [22]) и отражает социальные изменения, а также является одновременно и причиной и следствием дискуссий о равенстве и уважении. С одной стороны, эвфемизмы призваны служить средством смягчения жестоких реалий в обществе, с другой стороны, их использование может быть интерпретировано адресатом как оскорбление или как попытка скрыть правду или уклониться от осуждения острых проблем.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Подходы к исследованию эвфемии и дисфемии

Выделяется несколько основных подходов к исследованию эвфемии, дисфемии и ортофемии. В этом исследовании мы берём за основу логико-семантический и экспериенциальный подходы, а также этнометодологический подход как часть экспериенциального подхода. В основе логико-семантического подхода лежит свойство кореферентности знаков по отношению друг к другу на текстовом уровне, что даёт основание говорить о замене одних номинаций другими, а понятие замещения как результат сопоставления знаков рассматривать как основу оппозиции ЭВФЕМИЗМ – ДИСФЕМИЗМ. Так, согласно данному подходу, эвфемизм – это «антиинвектива, основанная на преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный» [10, с. 236]. Дисфемизм, соответственно, – «единица языка и речи, противоположная эвфемизму» [5, с. 96].

Согласно второму – экспериенциальному подходу [2], [4], [6], [9], [13, с. 240], [16], [17] – к эвфемизмам, дисфемизмам и ортофемизмам применяется зонтичный термин «икс-фемизм», то есть коннотативное значение выражения зависит от экспериенциального контекста коммуникации

и может меняться в зависимости от ситуации, участников общения и культурных факторов. Это подчёркивает динамичность коннотаций языковых единиц в зависимости от их использования в реальных условиях общения. Этнометодологический подход также акцентирует внимание на том, как носители языка используют эвфемизмы и дисфемизмы в повседневной жизни, формируя социальные нормы и представления о них. Таким образом, исследование эвфемизмов и дисфемизмов должно носить холистический характер, то есть учитывать влияние культурных традиций и социальных норм на интерпретацию того или иного выражения.

1.2. Этнометодологический подход как часть экспериенциального подхода

В рамках экспериенциального подхода нами выделяется так называемый этнометодологический подход, в соответствии с которым номинативное варьирование икс-фемизмов рассматривается на оси «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Этнометодология занимается изучением моделей осознания людьми собственной социальной структуры, что позволяет глубже понять механизмы взаимодействия внутри групп. Под социальной структурой мы понимаем некие закреплённые нормы взаимоотношений между людьми, которые нацелены на «организацию» сложной социальной реальности. Эта иерархия является результатом создания так называемых символических границ (symbolic boundaries) [4], [8], [19] между различными группами людей. Такая система, с одной стороны, статична, так как нацелена на обеспечение стабильности, в которой людям проще существовать благодаря уже «прописанным» различиям между собой и другими. С другой стороны, эта система динамична и обусловлена контекстуальными факторами, а поэтому в процессе общения бывает трудно предугадать, кто окажется «чужим», а кто «своим» для коммуниканта. Таким образом, разграничение по признаку «СВОЙ – ЧУЖОЙ» является способом упорядочивания социального мира, а символические границы могут, например, зависеть от национальной принадлежности человека, уровня образования или даже его профессиональной идентичности. Примечательно, что в рамках одной и той же этнической группы, в условиях отсутствия этнических границ, то есть в контексте «СВОЙ – СВОЙ», узусный дисфемизм может приобретать эвфемистическое значение. Это явление свидетельствует о том, что язык может служить инструментом не только для обозначения различий, но и для укрепления солидарности внутри группы.

Эвфемизация в таких случаях будет происходить только при условии, если высказывание принадлежит представителю «своего» этноса. Это подчёркивает важность контекста и социального окружения при интерпретации слов и выражений. Таким образом, использование дисфемизмов и эвфемизмов становится не просто вопросом лексической семантики, но и отражает более глубокие социальные механизмы, которые формируют наше восприятие идентичности и принадлежности к той или иной группе.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили современный англоязычный общественно-политический, автобиографический, маркетинговый и медийный дискурсы. В данном исследовании был проанализирован материал, охватывающий период с 2002 по 2025 годы. Выбор временного периода обусловлен тем, что за два десятилетия возможно проследить так называемую «эволюцию» политкорректности, вследствие которой словарные дисфемизмы и эвфемизмы могут приобретать новые коннотации в зависимости от контекстуальной составляющей, которая, в свою очередь, обусловлена изменениями в общественном сознании, социально-экономическими, политическими и многими другими факторами.

При анализе материала применялся комплекс методов сплошной выборки, дискурс-анализ; методы теоретического анализа, дедукции и индукции применялись при рассмотрении существующих научных подходов к явлениям эвфемии и дисфемии.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Варьирование оценочного знака узуальных дисфемизмов (на примере слов *nigger* и *cripple*) в различных типах дискурса

Чтобы наглядно увидеть, каким образом узуальные дисфемизмы могут в зависимости от контекста приобретать противоположную оценочность, то есть менять отрицательный знак на положительный, представляется целесообразным выбрать лексемы с очевидной негативной коннотацией, которые в словаре отмечены как “offensive” (оскорбительные).

В частности, в рамках данного исследования будут рассмотрены слова *nigger* и *cripple*, употребление которых на протяжении последних лет традиционно считается неприемлемым и воспринимается обществом как агрессия и оскорбление.

Прежде чем мы проанализируем функционирование слова *nigger* в различных дискурсах и контекстах, рассмотрим этимологию этого слова. Так, профессор права Гарвардского университета Рендалл Кеннеди в своей статье «Заметка о слове ‘ниггер’» [11] указывает на то, что «... слово «негр» (*nigger*) произошло от английского слова *neger*, которое, в свою очередь, произошло от испанского *Negro*, используемое для обозначения чёрного цвета» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). Кеннеди пишет: «Доподлинно неизвестно, в какой момент этот термин стал оскорбительным. Однако мы знаем, что к началу XIX века слово ‘негр’ уже стало достаточно распространённым оскорблением. В 1837 году в книге «Положение цветных людей в США и предвзятость, проявляемая по отношению к ним» Хосе Истон отметил, что «негр» – это «уничижительный термин, используемый для того, чтобы выразить своё презрение [к чернокожим] как к низшей расе... Сам термин звучал бы совершенно безобидно, если бы использовался только для различения классов; но он не используется с этой целью... он используется с целью оскорбления» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). В этой статье Рендалл Кеннеди также ссылается на высказывание Лангстона Хьюза, который в своих мемуарах под названием «Большое море» (1940 г.) отмечает, «что само слово ‘негр’ для афроамериканцев – как красная тряпка для быка» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). Лангстон Хьюз также подчёркивает, что зачастую неважно, чем обусловлено использование этого слова – афроамериканцы в принципе не хотят видеть его ни в текстах книг, ни в сценариях, даже если автором книги или сценария является афроамериканец.

Тем не менее, несмотря на то, что данный термин зафиксирован как дисфемизм в словаре (в Кембриджском словаре уже само определение слова *nigger* указывает на дерогативный характер этого слова: “*Nigger – an extremely offensive word for a Black person*” / «*Nigger – крайне оскорбительное слово, обозначающее чернокожего человека*» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.)), а также является дисфемизмом в общепринятом понимании, в некоторых контекстах и при определённых обстоятельствах его коннотативное значение может меняться.

Варьирование оценочного значения слова *nigger* на оси эвфемия – дисфемия эксплицитно проиллюстрировано в статье Дика Грегори, афроамериканского активиста, борца за права чернокожих. Грегори является автором автобиографии под названием “*Nigger*” [23], которая вызвала волну студенческих протестов после того, как декан колледжа предложила студентам прочитать эту книгу. В этой статье он отмечает, что “...some students became offended when Jodi Kelly, dean of Matteo Ricci College, recommended *Nigger* to a student to read.” / ‘...некоторые учащиеся колледжа были оскорблены, когда Джоди Келли, декан колледжа Маттео Риччи, порекомендовала одному из студентов прочитать книгу «Ниггер»’ (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). При этом Дик Грегори в своём обращении к студентам, которые были оскорблены словом *Nigger*, увидев его в названии книги, поясняет, что оно не содержит уничижительного значения, поскольку играет другую роль. *Nigger* отражает прошлый опыт писателя, когда это слово было частью его жизни: “I am not offended by Dean Kelly’s use of the word *nigger*. In fact, I am pleased that she has the foresight to want to give these young men and women the knowledge, insight and experience of a civil rights activist that might just help them understand life a little better. I am disappointed that they seemed to have stopped at the title instead of opening the book and reading its contents. Years ago my mama told me, Son, sticks and stones can break your bones, but names will never hurt you. I grew up thinking that Richard was

what they called me at home, but my real name was Nigger. That's why I named my autobiography Nigger, because it only echoes what they called me – it doesn't define who I am. People called me nigger in 1964 when I marched with Martin Luther King Jr., when I sat in the Birmingham jail with him and when I walked across the Pettus Bridge in Selma, Ala. When I fasted for 72 days protesting the Vietnam War, the white folks and even some black folks said, "Look at that crazy nigger." / 'Меня не оскорбляет использование слова *nigger* деканом Келли. На самом деле, я рад, что она проявила дальновидность, воспитывая понимание и передавая этим молодым людям знания и опыт борца за гражданские права, которые могли бы помочь им лучше понять жизнь. Я разочарован тем, что они, кажется, остановились на названии вместо того, чтобы открыть книгу и прочитать её содержание. Много лет назад моя мама сказала: «Сынок, палки и камни могут сломать тебе кости, но слова никогда не причинят тебе вреда». Я рос, думая, что Ричард – это то, как меня зовут дома, но моё настоящее имя было Ниггер. Вот почему я назвал свою автобиографию «Ниггер»: потому что это слово всего лишь эхо того, как «они» меня называли; оно не определяет, кто я есть. Меня называли ниггером в 1964 году, когда я маршировал с Мартином Лютером Кингом-младшим, когда я сидел с ним в тюрьме Бирмингема и когда я шёл по мосту Петтуса в Сельме, штат Алабама. Когда я голодал 72 дня в знак протеста против войны во Вьетнаме, белые люди и даже некоторые чёрные говорили: «Посмотрите на этого сумасшедшего ниггера»' (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.).

Примечательно, насколько эксплицитно в данном контексте актуализируется оппозиция «свой – чужой»: *they called me; people called me nigger*. Именно так автора называли «чужие» во время акций протеста, и здесь слово *nigger* выступает в роли дисфемизма, отрицательная оценочность которого усиливается за счёт лексемы *crazy* и указательного местоимения *that*, выполняющего функцию дистанцирующего маркера. В то же время, столкнувшись с проявлением нетерпимости в отношении названия книги, Грегори призывает читателей переосмыслить это слово, и в следующем абзаце пишет: "I have frequently said that sometimes black folks focus on the wrong injustices." / 'Я часто говорил, что иногда чернокожие обращают внимание не на те проявления несправедливости, которые в действительности заслуживают внимания' (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). Таким образом, в макроконтексте *nigger* актуализирует значения с разным оценочным знаком – от отрицательного (студенты воспринимают его исключительно как пейоратив – "some students became offended") до нейтрально-положительного – "I am not offended; I am pleased."

Аналогично проявляется оценочность и в другой статье, где слово *Nigger* актуализирует как положительную, так и отрицательную оценочность. Автор статьи (также афроамериканец) обращается к историческому контексту, вспоминая времена рабства в Америке: "The way the negroes were separated was not House and Field Negroes. They were separated as Good or Troublesome Niggers. See, the good negroes bought into the concept and ideology of the enslavers and wanted to get others to accept the condition as normal. Then you had the troublesome nigger, who was always resisting and looking for his freedom and independence. What confused the human traffickers was the sophisticated Nigger who posed as a good nigger, but all the time was plotting and scheming for freedom and independence" [12]. / 'Чёрных разделяли не на «домашних» [работающих в домах рабовладельцев] и «полевых» негров [работников плантаций]. Их разделяли на «хороших» или «проблемных» ниггеров. «Хорошие» негры принимали идеологию рабовладельцев и стремились убедить других смириться с этим положением. В то же время существовали «проблемные» негры, которые постоянно сопротивлялись угнетению и искали свободы и независимости. Особенно смущали торговцев людьми те умные негры, которые выдавали себя за «хороших», но на самом деле втайне строили планы по освобождению и обретению независимости' (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.).

В этом коротком отрывке слово *Nigger* меняет оценочный знак в зависимости от того, кому принадлежит высказывание. В первых предложениях *Nigger* напоминает о временах рабства, когда это слово служило инструментом унижения, и в таком контексте оно как бы не принадлежит автору – так говорили рабовладельцы о чернокожих. *Nigger* здесь безусловно наделено отрицательной оценочностью и представляет собой дисфемизм. Именно поэтому *Good* и *Troublesome* написаны с большой буквы, это своего рода эквивалент кавычкам, которые указывали бы на цитирование. Кроме того, большая буква здесь является маркером противоположного значения

(«хороший ниггер» в данном случае – «послушный» работник, тот, кто охотно следует принципам рабовладельческого строя, а «проблемный ниггер» – «свободолюбивый» человек, противостоящий рабству). В то же время далее мы видим, как слово переосмысливается и теряет отрицательный знак – *sophisticated Nigger* («умный ниггер») уже окрашено положительной оценочностью, когда «умный» означает «свободолюбивый и действующий во имя свободы и независимости». Лексема больше не является дисфемизмом и смещается по оси «дисфемия – эвфемия» в сторону эвфемии.

Ещё одним любопытным примером изменения оценочного знака дисфемизма стала надпись на футболке чёрного цвета, выставленной на продажу на маркетплейсе: “This shirt is allowed to say NIGGER because it’s black” [26]. / Эта футболка может говорить ‘ниггер’, потому что она чёрная’ (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). С одной стороны, эта надпись провокационна, но вместе с этим её можно расценить как форму солидарности среди афроамериканцев. В этом контексте слово *nigger* становится своеобразным символом, который принадлежит «своим» и не принадлежит «чужим». Можно также предположить, что потенциальными покупателями этого товара на маркетплейсе TALP (T-shirt at Low Price), где можно приобрести подарки с забавными надписями по низким ценам, будут именно афроамериканцы, для которых подобная надпись представляет интерес и звучит шутливо, а не обидно [27]. В таком контексте *Nigger* теряет дисфемистический характер и становится маркером «своих» [24].

Примером смены оценочного знака узуального дисфемизма служит также высказывание из комментария в чате, посвящённом одному из эпизодов мультсериала “The Boondocks» («Гетто»): “When it comes to this argument, I only got one thing to say: what’s good y’all, you niggas is makin a whole lotta noise.” / ‘Когда дело доходит до этого спора, мне одно хочется сказать: «Всем привет, вы, ребята, поднимаете слишком много шума»’ (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.). Сериал, о котором идёт речь в чате, рассказывает о жизни двух чернокожих братьев, которые переезжают из неблагополучного района в пригород, преимущественно населённый белыми. Поскольку цитируемый пост заканчивается словами “oh and black power” / ‘да здравствует чёрная сила’ (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.), можно предположить, что автор этого поста афроамериканец, как, видимо, и остальные участники дискуссии. Таким образом, слово *niggas* употребляется в качестве обращения «своего» к «своим». Более того, автор высказывания и его адресаты являются, судя по всему, членами одного фан-клуба, то есть объединены не только по этническому признаку, но их также связывают общие интересы, из чего можно с уверенностью заключить, что в данном контексте слово *niggas* полностью лишено отрицательного смысла, приобретает эвфемистический характер и становится маркером группы «своих».

Интересно отметить, что в рэп-дискурсе, основателями которого по праву считаются афроамериканцы, слово *nigger* практически всегда приобретает положительную коннотацию. Так, в композиции американского рэпера Канье Уэста под названием “Niggas in Paris” [25] / ‘Ниггеры в Париже’ выражение *nigga* не имеет отрицательной коннотации, а, наоборот, восхваляет как исполнителя, так и его друзей: What’s Gucci my nigga? || What’s Louis my killa? Герой композиции, афроамериканец по происхождению, обращается к «своим» друзьям, рассказывая слушателю об их общем пути к славе и к роскошному образу жизни, который они ведут в Париже. Канье Уэст упоминает дорогие бренды (Gucci, Louis / Louis Vuitton, Rolleys / Rolex watches), являющиеся атрибутами их богатой жизни, что свидетельствует о том, что он гордится своими достижениями и достижениями «своих». Примечательно, что лингвистические параметры контекста также создают положительную коннотацию слова *nigga* – например, притяжательное местоимение *my* свидетельствует о принадлежности автора к группе *niggas*, являющимися адресатами этой песни. Таким образом, слово *nigga* приобретает эвфемистическое значение в этом контексте.

Аналогично слову *nigger* возможность изменения оценочного знака, обусловленная контекстом, обнаруживается у узуального дисфемизма *cripple* (калека). В словарной дефиниции Кембриджского словаря *cripple* также определяется как «an extremely offensive word for a person whose legs or arms do not work in the usual way» / ‘крайне оскорбительное слово для человека, имеющего

проблемы со здоровьем' (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.)) и воспринимается обществом как неприемлемое. Тем не менее, как и в случае с лексемой *nigger*, люди с ограниченными возможностями сохраняют за собой право употреблять *cripple*, говоря о себе и подобных себе, более того, инкорпорируя в значение слова коннотации уважения к представителям этой группы и принятия инвалидности как таковой. Положительная оценочность этого слова проявляется в различных видах дискурса, в частности, в медийном. Ниже приведён отрывок из обсуждения в социальной сети допустимости использования *cripple* в речи: "Hi! Physically disabled here. I use the term crippled as a description of myself, I feel it quite strongly in my identity. I like it more than the term disabled because it encapsulates more of my experience, as disabled is very broad and could be a vast variety of different conditions. I am crippled. It's helped lots for me for embracing my disability as my identity, as I'm not ashamed to be crippled" [20] / 'Всем привет! Я – человек с инвалидностью. Я использую термин 'калека' для описания себя, я ощущаю его как часть своей идентичности. Он мне нравится больше, чем термин 'инвалид', потому что отражает больше моего опыта, а 'инвалид' – это очень широкое понятие, которое может включать в себя огромное количество разных состояний. Я – калекка. И это слово мне очень помогло принять инвалидность как часть моей личности, потому что я не стыжусь быть калеккой' (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.).

Автор с первых слов заявляет, что является человеком с ограниченными возможностями: «Я – человек с инвалидностью». Такая самоидентификация представляет собой важный элемент высказывания, поскольку определяет круг допустимых языковых средств, наделяя говорящего правом использовать выражение *cripple* – ведь о себе так говорить можно. Автор поста также пытается наполнить слово *cripple* положительным смыслом, нейтрализуя заключённую в нём стигматизацию: "... I'm not ashamed to be crippled." / «...[Я] не стыжусь быть калеккой». В то же время, поскольку сообщение опубликовано на форуме под названием *Disability / Инвалидность*, оно предположительно адресовано людям с ограниченными возможностями, то есть «своим». Таким образом, *cripple* в данном макроконтексте теряет свой дисфемистический характер, становясь маркером «своих».

Следующий пример также является иллюстрацией того, как в экспериенциальном макроконтексте происходит утрачивание узуальным дисфемизмом своей отрицательной оценочности. Пенни Пеппер, человек с ограниченными возможностями, поэт, прозаик и активист, написала стихотворение, которое призвано изменить мнение читателя об инвалидах:

*We don't look like the king and queen of this, or any land,
But we're staying and we're shouting, sat firm to take a stand.
There's deaf, there's blind, there's wailers, the war-hacked with their sticks
We gather at old CrippleGate for a morsel by its bricks.*

....

*We are no bland homogeny – accept and celebrate.
Come to CrippleGate, come to CrippleGate, to my CrippleGate Town [14].*

*У нас совсем не королевский вид,
Но мы стоим и мы кричим, готовые отстаивать своё.
Глухие, слепые, вопилы и искалеченные войной с костылями в руках,
Мы собираемся у старого Криплгейта, чтоб урвать крохи у его стен.*

....

*Мы не безликая однородная масса – принимайте и прославляйте нас.
Приходите в Криплгейт, приходите в Криплгейт, в мой город Криплгейт
(перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.).*

Посредством метафоры о городе Криплгейт и его жителях автор стремится создать образ людей, несчастных и отверженных обществом, и призывает признать и принять их во всем их разнообразии. Местоимение *we* / мы, повторенное многократно, выступает в роли маркера «своих» – это стихотворение написано от лица всего сообщества людей с инвалидностью. В то же

время, в стихотворении присутствуют и «чужие», к которым обращён призыв, выраженный глаголами повелительного наклонения: *accept and celebrate // come to CrippleGate*. Несмотря на то, что высказывание обращено за пределы «своей» группы, автор использует слово *cripple* в составе неологизма *CrippleGate*, названия вымышленного города. И можно было бы предположить, что оно носит провокационный характер, но в одной из своих статей Пенни Пеппер пишет: “I’ve called myself a crip for a long time. We activists use the word among ourselves. We own it, we debate it, which is the healthiest approach on our journey” [21] / «Я давно называю себя «калекой». Мы, активисты, используем это слово между собой. Мы владеем им, мы спорим о нём, и это самый здоровый подход на нашем пути» (перевод наш – Т.Ф., Т.А., А.К.).

Цитируемый отрывок демонстрирует, что употребление *crip* (сокр. от *cripple*) не табуируется, а напротив, приветствуется. В то же время, высказывание *We own it* / *Мы владеем им* указывает на границы группы, внутри которой действует данная норма, а поэтому *cripple* перестаёт быть оскорбительным, если используется «своими». Более того, оно обретает положительную оценочность, которая усиливается прилагательным в превосходной степени *the healthiest*. «Своих» разделяют правом произносить это слово, которое становится неким способом самоутверждения.

Подводя итог анализа функционирования узуальных дисфемимов в процессе коммуникации, представляется важным подчеркнуть, что именно эксплицитный характер высказываний позволяет сделать вывод о том, что они теряют дерогативность, если сам автор высказывания относит себя к той группе, которую данный дисфемизм номинирует. Например, в афроамериканском сообществе слово *nigger* иногда используется как форма самопринятия и переосмысления исторического унижения. В таких случаях оно может служить средством сплочения внутри группы «своих». Подобным образом слово *cripple*, имеющее закреплённую в словаре негативную коннотацию, демонстрирует изменения в значении. Хотя оно традиционно считается оскорбительным по отношению к людям с ограниченными возможностями, в некоторых контекстах его использование может быть оправдано, так как оно помогает им обозначить их позицию и права. Так, на примере функционирования словарных дисфемизмов можно увидеть, как восприятие слова или выражения может меняться в зависимости от социального и культурного контекста.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Применение этнометодологического подхода при анализе функционирования узуальных дисфемизмов в определённом контексте позволяет сделать вывод о том, что именно контекст высказывания влияет на интерпретацию значения слов и выражений. В частности, словарные дисфемизмы могут изменять свои коннотации в зависимости от социального окружения и группы, к которой принадлежит коммуникант. Важно отметить, что такие дисфемизмы, как *nigger* и *cripple*, могут приобретать положительные или нейтральные коннотации, если они используются представителями одной и той же группы.

Исследование показывает, что нейтрализация или даже эвфемизация дисфемизмов происходит в ситуациях, когда автор и адресат высказывания имеют общую идентичность. Это может происходить в различных типах дискурса – от общественно-политического до автобиографического и медийного. В каждом из этих случаев именно контекст влияет на трактовку дисфемизма. Так, например, в автобиографическом дискурсе узуальные дисфемизмы могут использоваться автором для передачи личного опыта, и даже если этот опыт был негативен, дисфемизм может иметь нейтральную или положительную коннотацию для самого автора.

Таким образом, можно сделать вывод о контекстуальной обусловленности икс-фемии, что, в свою очередь, говорит о необходимости учитывать не только лексическое значение слов, но и социальные, культурные и исторические факторы, которые влияют на их интерпретацию. Именно поэтому язык, являющийся частью культурных и социальных реалий общества, важно рассматривать как динамический феномен и как **взаимодействие** (*linguaging*).

Следует также отметить, что использование дисфемизмов может быть частью процесса самоидентификации группы. Когда члены группы используют термины, которые традиционно считаются оскорбительными, это может служить способом сплочения внутри группы и заявления о своих правах. В этом смысле язык становится важным инструментом не только коммуникации, но и социальной идентичности.

© Т.А. Фомина, Т.В. Алиева, А.Б. Корницкая, 2025

Список литературы

1. Гришаева Е.Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // *Язык и культура*. 2018. № 41. С. 55–71.
2. Дружинин А.С. Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта / А.С. Дружинин, Т.А. Фомина // *Вестник Томского Государственного Университета, Филология*. 2022. № 76: 47–75. <https://doi.org/10.17223/19986645/76/3>
3. Дружинин А.С. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему / А.С. Дружинин, Т.А. Фомина, О.Г. Поляков // *Язык и культура*. 2020. № 50. 23–40.
4. Дубовицкая М.А. Языковое преломление диады Восток-Запад, или оппозиции «свой-чужой», в арабо-американском романе «Книга Халида» Амина ар-Рейхани // *Филологические науки в МГИМО МГИМО*. 2017. №3 (11). С. 113–117.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Изд. 5-е. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 96.
6. Номинативное варьирование на оси «эвфемия – дисфемия» в экспериенциальном контексте (на материале англоязычного кинодискурса): Монография / Т.А. Фомина, А.С. Дружинин. (Монография). М.: РУСАЙНС, 2024. С. 70.
7. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-минасова. М.: Слово, 2000. С. 216.
8. Фомина Т.А. Икс-фемия как нелинейный феномен / Т.А. Фомина, Т.В. Алиева // *Филологические науки в МГИМО*. 2020. № 2 (22). С. 53–59.
9. Фомина Т.А. Контекстуально обусловленное варьирование номинации на оси эвфемия/дисфемия / Т.А. Фомина, А.С. Дружинин // *Вестник Санкт-Петербургского Университета, Язык и Литература*. 2023. 20(1): 137–155.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
11. A NOTE ON THE WORD “NIGGER” [Электронный ресурс]. URL: <https://15thamendment.harpweek.com/HubPages/CommentaryPage.asp?Commentary=09Warning> (дата обращения: 10.03.2025).
12. ALL SKINFOLK AIN’T YO KINFOLK (PART I) [Электронный ресурс] // the Madison Times: [сайт]. URL: <https://themadisontimes.themadent.com/article/all-skinfolk-aint-yo-kinfolk-part-i/> (дата обращения: 11.03.2025).
13. Allan K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. / K. Allan, K. Burrige K. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
14. BALLAD OF CRIPPLEGATE TOWN BY PENNY PEPPER. URL: <https://www.writeoutloud.net/profiles/pennypepper> (дата обращения 14. 03. 2025).
15. BEN CARSON: POLITICAL CORRECTNESS IS ‘GOING TO DESTROY OUR NATION’ [Электронный ресурс] // CNN politics [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2019/10/22/politics/ben-carson-transgender-political-correctness/index.html> (дата обращения 12.03.2025).
16. Druzhinin A.S. Construction of irreality: An enactive-constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundations*. 2020. 16(1): 69–80. <https://constructivist.info/16/1/069>
17. Druzhinin A.S. Euphemisms vs. Dysphemisms, or how we construct good and bad language // *Constructivist Foundations*. 2021. Vol. 17 (1). P. 1–13.
18. Druzhinin A.S. Why Language Kills: Semantic Patterns of (Self-Destruction / A. S. Druzhinin, T. Rakedzon // *Constructivist Foundations*. 2024. Vol. 19 (2). P. 113–126.
19. Epstein C. F. Tinker-bells and pinups: the construction and reconstruction of gender boundaries at work / C. F. Epstein // *Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality* [eds. M. Lamont, M. Fournier]. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 232– 256.
20. HAS ANYONE ELSE RECLAIMED THE TERM CRIPPLED FOR THEMSELVES? URL: https://www.reddit.com/r/disability/comments/1b0c95c/has_anyone_else_reclaimed_the_term_crippled_for/?rdt=33066 (дата обращения 12.03.2025).
21. JUST ANOTHER ‘C’ WORD? THE WEIRD, WONDERFUL AND WORRISOME HISTORY OF CRIPPLE. URL: <https://bylinetimes.com/2023/08/11/just-another-c-word-the-weird-wonderful-and-worrisome-history-of-cripple/> (дата обращения: 15.03.2025).
22. Kravchenko A.V. Constructivism and the epistemological trap of language // *Constructivist Foundations*. 2016. Vol. 12 (1). P. 39–41.
23. LANGUAGE, RACISM AND A PROTEST. URL: <https://www.insidehighered.com/views/2016/05/26/dick-gregory-writes-student-protesters-about-which-battles-matter-most-essay> (дата обращения: 12.03.2025).
24. NIGGA. URL: <https://genius.com/The-notorious-big-and-50-cent-nigga-lyrics> (дата обращения: 10.03.2025).
25. NIGGAS IN PARIS. URL: <https://genius.com/Jay-z-and-kanye-west-niggas-in-paris-lyrics> (дата обращения: 10.03.2025).
26. THIS SHIRT IS ALLOWED TO SAY NIGGER BECAUSE IT’S BLACK. URL: <https://tshirtatlowprice.com/products/this-shirt-is-allowed-say-nigger-because-its-black-t-shirt/> (дата обращения: 12.03.2025).

27. Tikhomirova A. How Culture and Trustworthiness Interact in Different E-Commerce Contexts: A Comparative Analysis of Consumers' Intention to Purchase on Platforms of Different Origins / A. Tikhomirova, J. Huang, S. Chuanmin, M. Khayyam, H. Ali, D. S. Khranchenko // *Front. Psychol.* 2021. 12:746467. doi: 10.3389/fpsyg.2021.746467

References

1. Grishayeva, E.B. Iazyk kak instrument realizatsii politicheskoi vlasti i kak objekt vozdeystviia politiki [Language as a Tool of Political Power and as an Object of Political Influence] // *Iazyk i kul'tura*, 2018. 41, P. 55–71. (in Russian)
2. Druzhinin, A.S. Evfemizmy i Disfemizmy v Konstruirovanii opyta [Euphemisms and dysphemisms in experience construction] / A.S. Druzhinin, T.A. Fomina // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*. Tomsk, 2022. 76: 47–75. <https://doi.org/10.17223/19986645/76/3> (in Russian)
3. Druzhinin, A.S. Evfemizmy, disfemizmy, ortofemizmy i ekspierientsial'nyi kontekst: kholisticheskii vzgliad na lingvisticheskuiu problemu. [Euphemisms, dysphemisms, orthophemisms and experiential context: A holistic view of the linguistic problem] / A.S. Druzhinin, T.A. Fomina, O.G. Polyakov // *Iazyk i kul'tura*, 2020. 50: 23–40. (in Russian)
4. Dubovitskaia, M.A. Iazykovoe prelomlenie diady Vostok-Zapad, ili oppozitsii «svoi-chuzhoi», v arabo-amerikanskom romane «Kniga Khalida» Amina ar-Reikhani [Language Fracture of the East-West Dyad, or the Opposition of 'Us-Them', in the Arab-American Novel 'The Book of Khalid' by Ameen Rihani.] // *Linguistics & Polyglot Studies*, 2017. № 3 (11). P. 113–117. (in Russian)
5. Zhrebilo, T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 5-e izd. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 p. (in Russian)
6. Fomina, T.A. Nominativnoe var'irovanie na osi «evfemiia – disfemiia» v eksperimental'nom kontekste (na materiale angloyazychnogo kinodiskursa) [Nominative variation on the axis of 'euphemism – dysphemism' in an experiential context (based on the material of English-language film discourse)] / T.A. Fomina, A.S. Druzhinin. Moscow: RUSAINS, 2024. 144 p. (in Russian)
7. Ter-Minasova, S.G. Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Language and cross-cultural communication]. M.: Slovo, 2000. 624 p. (in Russian)
8. Fomina, T.A. X-femiia kak nelineynyi fenomen [X-phemisms as non-linear phenomena] / T.A. Fomina, T.V. Alieva // *Linguistics & Polyglot Studies*, 2020. № 2 (22). P. 53–59. (in Russian)
9. Fomina, T.A. Kontekstual'no Obuslovennoe Var'irovanie Nominatsii na Osi Evfemiia/Disfemiia [Context-dependent variation of a naming across the euphemism/dysphemism spectrum] / T.A. Fomina, A.S. Druzhinin. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Iazyk i Literatura*, 2023. 20(1): 137–155. (in Russian)
10. Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse] [PhD thesis]. Volgograd, 2000 431 p. (in Russian)
11. A NOTE ON THE WORD “NIGGER”, 15th amendment.harpweek.com/HubPages/CommentaryPage.asp?Commentary=09Warning (accessed 10 March 2025).
12. ALL SKINFOLK AIN'T YO KINFOLK (PART I) // *The Madison Times*, themadisontimes.themadent.com/article/all-skinfolk-aint-yo-kinfolk-part-i/ (accessed 11 March 2025).
13. Allan, K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language* / K. Allan, K. Burridge. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
14. BALLAD OF CRIPPLEGATE TOWN BY PENNY PEPPER, writeoutloud.net/profiles/pennypepper (accessed 14 March 2025).
15. BEN CARSON: POLITICAL CORRECTNESS IS 'GOING TO DESTROY OUR NATION'. // *CNN politics*, edition.cnn.com/2019/10/22/politics/ben-carson-transgender-political-correctness/index.html (accessed 12 March 2025).
16. Druzhinin A.S. Why Language Kills: Semantic Patterns of self-destruction / A.S. Druzhinin, T. Rakedzon. // *Constructivist Foundations*. 2024. Vol. 19 (2). P. 113–126.
17. Druzhinin, A.S. Construction of irreality: An enactive-constructivist stance on counterfactuals // *Constructivist Foundations*, 2020. 16(1): 69–80. <https://constructivist.info/16/1/069>
18. Druzhinin, A.S. Euphemisms vs. Dysphemisms, or how we construct good and bad language. // *Constructivist Foundations*, 2021. Vol. 17 (1). P. 1–13.
19. Epstein, C.F. Tinker-bells and pinups: the construction and reconstruction of gender boundaries at work // *Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality* [eds. M. Lamont, M. Fournier]. Chicago: University of Chicago Press. 1992. P. 232– 256.
20. HAS ANYONE ELSE RECLAIMED THE TERM CRIPPLED FOR THEMSELVES? reddit.com/r/disability/comments/1b0c95c/has_anyone_else_reclaimed_the_term_crippled_for/?rdt=33066 (accessed 12 March 2025).
21. JUST ANOTHER 'C' WORD? THE WEIRD, WONDERFUL AND WORRISOME HISTORY OF CRIPPLE, bylinetimes.com/2023/08/11/just-another-c-word-the-weird-wonderful-and-worrisome-history-of-cripple/ (accessed 15 March 2025).
22. Kravchenko, A.V. Constructivism and the epistemological trap of language // *Constructivist Foundations*, 2016. Vol. 12 (1). P. 39–41.
23. LANGUAGE, RACISM AND A PROTEST, insidehighered.com/views/2016/05/26/dick-gregory-writes-student-protesters-about-which-battles-matter-most-essay (accessed 12 March 2025).
24. NIGGA, genius.com/The-notorious-big-and-50-cent-nigga-lyrics (accessed 10 March 2025).
25. NIGGAS IN PARIS, genius.com/Jay-z-and-kanye-west-niggas-in-paris-lyrics (accessed 10 March 2025).
26. THIS SHIRT IS ALLOWED TO SAY NIGGER BECAUSE IT'S BLACK, tshirtatlowprice.com/products/this-shirt-is-allowed-say-nigger-because-its-black-t-shirt/ (accessed 12 March 2025).

27. Tikhomirova, A. How Culture and Trustworthiness Interact in Different E-Commerce Contexts: A Comparative Analysis of Consumers' Intention to Purchase on Platforms of Different Origins / A. Tikhomirova, J. Huang, S. Chuanmin, M. Khayyam, H. Ali, D. S. Khrumchenko // Front. Psychol, 2021. 12:746467. doi: 10.3389/fpsyg.2021.746467

Сведения об авторах:

Фомина Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, экспериенциальный подход в лингвистике, исследование политического дискурса.
E-mail: wesna85@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-3327-8821

Алиева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса.
E-mail: t.alieva@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-2225-1276

Корницкая Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса.
E-mail: a.kornitskaya@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4391-801X

About the authors:

Tatiana A. Fomina, PhD, is Senior Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, experiential approach in linguistics, political discourse analysis.
E-mail: wesna85@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-3327-8821

Tatiana V. Alieva, PhD, is Associate Professor at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, political discourse analysis.
E-mail: t.alieva@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-2225-1276

Anna B. Kornitskaya is Senior Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, political discourse analysis.
E-mail: a.kornitskaya@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4391-801X

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интереса.
No conflict of interest is declared.

* * *